

ПРИШЕЛ недавно в «Красный факел» областной худсовет принимать сказку про поросенка. Пришел и ахнул! «Вот, оказывается, сколько в театре молодых, а мы как-то раньше и не замечали...» Сказка собрала вокруг себя всех вместе, дала возможность молодым осознать себя единым поколением. И тут выяснилось, что поколение это талантливое, живое и беспокойное, вполне достойное защищать театр и в более серьезном репертуаре. Владимир Лемешонок, превосходно танцующий своего Волка, играет всерьез и во «Вдовьем пароходе», и с такой мерой искренности и драматизма, как еще никогда не играл. Ольга Матушкина, артистичная, элегантная в черном костюме Вороницы, вспомнилась сразу в другом наряде: в намокшей телогрейке с отцовского плеча в грубых мужских ботинках... Аню в «Раненых» Ольга играет, чувствуя радость от «работы на глубину».

Почему же сегодня мы хотим рассказать о Надежде Александровой? Потому что подход этой молодой актрисы к роли определил в прошлом сезоне судьбу одного спектакля в «Красном факеле», судьбу «Печки на колесе» по пьесе Н. Семеновой.

Этот спектакль делал приглашенный режиссер М. Владимиров, о котором новосибирцы до сих пор хранили самые теплые воспоминания. В начале шестидесятых он поставил на сцене «Факела» «На всякого мудреца довольно простоты». А. Островского. Когда надо защищать честь театра или просто вспомнить о том, какие были времена, вспоминают, в частности, и «Мудреца».

Но на сей раз мудрецу Владимирову подлинной художественной простоты и не хватало. Хотя делал он лубок, музыкальный лубок в духе «а ля рус». Но лубок их получился аляповатым и плоским. Молочные реки текут по зеленым лугам на задниках у художника Эпова, баранчики, похожие на глиняных игрушек, пасутся в отдалении, близ отдели плавают уточки, в березнячках аппетитно краснеют боровики... Помните? «Травка выросла у моста, по мосту идут овечки... перед нами ясность вод, вбок — цветочки, а над ними мирный-мирный небосвод». У Эпова стилизация под примитив на грани — еще секунда, и обернется она мешанской красотой, над которой издевался Маяковский... Сияет огромная радуга, под сенью которой распускает разноцветный хвост совсем уж какая-то райская птица... Благословенны люди, живущие в этих кущах. Так, по крайней мере, считала главная героиня Фрося в исполнении актрисы Т. Прокопьевой.

Если можно на драматической сцене полностью исключить все драматические коллизии и осложнения, то актриса Т. Прокопьева блестяще справилась с этой задачей. Безмятежность духа вопреки всему и несмотря ни на что избирается ею как основа существования. Из всех возможных красок для своей Фроси выбирает она одну

ТЕАТРАЛЬНАЯ МАСТЕРСКАЯ

«Когда актеры, грим оттерши, выходят, истину отведав...»

...А потом в спектакль вошла Надя Александрова. Все осталось, как было. И все изменилось.

ласковую усмешку по отношению к тем, кто чего-то сильно бегаёт и суетится.

А потом в спектакль вошла Надя Александрова. Все осталось, как было, — и уточки, и радуга, и мелодия, и ритмы, и красивые русские костюмы в самом их парадном варианте, в которых появляются и взрослые и дети. И все изменилось — изменилась душа этого мира.

Кто не знал, что Надя Александрова очень способная актриса? Но резкая Надина индивидуальность, повышенная чуткость, непредсказуемость ее реакций, ироничность ее всегда острого психологического рисунка в сочетании с подчеркнутой театральностью, некоторой манерностью рисунка, с капризным обликом восточной принцессы — не слишком ли изысканные краски для роли телятницы? Сомневались многие, и как выяснилось зря. Вылужалась творческая природа актрисы, ее чувство правды.

Актриса спросила себя: «Ну, а какво это на самом деле: вставать постоянно ни свет ни заря, одной обихаживать пятерых девочек, обороняться от вечно пьяного мужа? Каково это, когда тебя позорят, как могут, твой дом поджигают, печку бульдозером выкорчевывают? А ты изволь быть передовиком производства, выращивать телят при общей нехватке кормов, мотаться в район на совещания».

Не водевильная героиня, на редкость удачно, с пением и подтанцовочкой устраивающая свои дела. Искудавшая, смятая заботами, изрядно разочарованная в любви, «которая только по телевизору бывает»... И никого-то не обманет она своими улыбками. И в голосе ее, пленившем Загряя, — едва различимая трещинка. Увидя Загряя, она почти пугается его. В бесстрашном напряжении оперного тенора — блеск огней, безудержное буйство праздника, от которого Фрося поспешит заслониться рассказами про детские болячки, про неудачливую Оксанку, которая год назад сказала слово золотое, а теперь вот снова молчит. В этот снижающий тон Фрося соскальзывает все время, ему сопутствует легкая печаль, которую не развеет ни первый вальс с Загряем, ни ночное свидание с ним. Печаль, как память души о какой-то

мной жизни, о полете, о свободе... Отсюда это внезапное расширение мира до космоса, смешные и поперечные ходу сцены разговоры об инопланетянах, которые на нашей планете будут общаться не с людьми, а с деревьями, оценив их мудрость, красоту и тишину.

Н. Александрова недаром играла Сою в «Дяде Ване» — ее Фрося как-то таинственно и загадочно коснулся дух чеховской драматургии, когда груз обыденности, повседневности тяжело ложится на душу, когда он бывает почти невыносим, но что делать — он калечит, он же и лечит! Пьяный Васькин кураж, поджог дома, корчевание бульдозером столетних дубов — красавцев — эти будни — сплошной «срам на всю округу». Но вот извечная красота вокруг, дом матери, чудесная печка, выложенная чьими-то заботливыми руками, бычок Цезарь, дед Степочка, с которыми, когда уж очень тошно, можно словом перекинуться — это ведь тоже будни, только другие, живые, теплые, питающие лучшие силы души. Человек испытывается буднями и сохраняет себя как человека, только если сумеет открыть в них смысл и красоту. — Вот о чем получился спектакль, когда Надя Александрова сыграла Фросю. И не торжественный ход к избраннику по ковровой дорожке запоминается нам в финале у ее героини. А рывок навстречу вдруг заговарившей дочке, смех и слезы, с которыми прижмет она к груди это крохотное существо...

Напряженная душевная работа главной героини на весь безмятежно-избыточный мир вокруг бросит насмешливый, ласковый свет: да когда же она наконец состоится, эта райская жизнь, с молочными реками да кисельными берегами, а и нужно ли, чтобы она вообще-то состоялась? А вот Фрося превратит свою печку в огромный белый пароход, возьмет на него девочку, Загряя и деда, и поплывут они все далеко-далеко по прекрасному и опасному бурному морю жизни...

Несовершенный, но живой спектакль этот делает свое дело. Молодая актриса «Факела» в роли своей деревенской сверстницы рассказывает усталым горожанам о чем-то им сегодня столь нужном. **В. ЛЕНДОВА,**
театральный критик.